

А. ТВАРДОВСКИЙ

ИЗ ЛИРИКИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 1
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА — 1946

А. ТВАРДОВСКИЙ

ИЗ ЛИРИКИ

1936—1945

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1946.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Александр Трифонович Твардовский родился в 1910 году 21 июня в деревне Загорье, Смоленской области, в семье кузнеца. Учился в сельской школе.

С 1928 года А. Твардовский учился и работал в Смоленске в областной газете. В 1930 году вышла первая книга его стихов — поэма о колхозе «Путь к социализму» (Изд. «Молодая гвардия»).

В 1936 году вышла в свет поэма «Страна Муравия», удостоенная Сталинской премии. В 1939 году за литературную работу А. Твардовский награждён орденом Ленина. По окончании Московского историко-философского института (ИФЛИ) в 1939 году Твардовский участвовал в освободительном походе Красной Армии в Западной Белоруссии и в финляндской кампании 1939 — 1940 года в качестве специального корреспондента армейской печати.

С первого дня Великой Отечественной войны до её окончания Твардовский работал во фронтовых газетах. В эти годы помимо многих стихов, очерков им написана поэма «Василий Тёркин», за которую ему также присуждена Сталинская премия.

За участие в Отечественной войне А. Твардовский награждён орденом Отечественной войны I и II степени и орденом Красной звезды.

ПУТНИК

В долинах уснувшие сёла
Осыпаны липовым цветом.
Иду по дороге весёлой,
Шагаю по белому свету.

Шагаю по белому свету,
О жизни пою человечьей,
Встречаемый всюду приветом
На всех языках и наречьях.

На всех языках и наречьях,
В родимой стране, без изъятья,
Понятны любовь и сердечность,
Как доброе рукопожатье.

Везде я и гость и хозяин,
Любые откроются двери.
И где я умру, я не знаю,
Но места искать не намерен.

Под кустиком первым, под камнем
Копайте, друзья, мне могилу.
Где лягу, там будет легка мне
Земля моей родины милой.

1936.

*
* * *

Я иду и радуюсь. Легко мне.
Дождь прошёл. Блестит зелёный луг.
Я тебя не знаю и не помню,
Мой товарищ, мой безвестный друг.

Где ты пал, в каком бою, — не знаю,
Но погиб за славные дела,
Чтоб страна, земля твоя родная,
Краше и счастливее была.

Над полями дым стоит весенний,
Я иду, живущий, полный сил,
Веточку двурогую сирени
Подержал и где то обронил...

Друг мой и товарищ, ты не сетуй,
Что лежишь, а мог бы жить и петь.
Разве я — наследник жизни этой —
Захочу иначе умереть?..

1936.

НЕВЕСТЕ

Мы с тобой играли вместе,
Пыль топтали у завалин.
И тебя моей невестой
Все, бывало, называли.

Мы росли с тобой, а кто-то
Рос совсем в другом краю
И в полгода заработал
Сразу всю любовь твою.

Он летает, он далече,
Я сижу с тобою здесь.
И о нём, о скорой встрече
Говоришь ты вечер весь.

И, твои лаская руки,
Вижу я со стороны,
Столько нежности подруги,
Столько гордости жены.

Вся ты им живёшь и дышишь,
Вся верна, чиста, как мать.
Ничего тут не попишешь,
Да и нечего писать.

Я за встречу благодарен.
У меня обиды нет.
Видно, он хороший парень,
Передай ему привет.

Пусть он смелый, пусть известный,
Пусть ещё побьёт рекорд,
Но и пусть мою невесту
Хорошенько любит,
Чорт!..

1936.

РАЗМОЛВКА

На кругу, в старинном парке,
Каблуков весёлый бой.
И гудит, как улей жаркий,
Ранний полдень над землёй.

Ранний полдень, летний праздник.
В синем небе – самолёт.
Девки, ленты подбирая,
Переходят речку вброд...

Я скитаюсь сиротливо.
Я один. Куда идти?..
Без охоты кружку пиво
Выпиваю по пути.

Все знакомые навстречу.
Не видать тебя одной.

Что ж ты думаешь такое?
Что ж ты делаешь со мной?..

Праздник в сборе. В самом деле,
Полон парк людьми, как дом.
Все дороги опустели
На пятнадцать вёрст кругом.

В отдаленьи пыль клубится,
Слышен смех, пугливый крик.
Детвору везёт на праздник
Запоздалый грузовик.

Ты не едешь, не прощаешь,
Чтоб самой жалеть потом.
Книжку скучную читаешь
В школьном садике пустом.

Вижу я твою головку
В беглых тенях от ветвей,
И холстинковое платье,
И загар твой до локтей.

И лежишь ты там, девчонка,
С детской хмуростью в бровях.
И в траве твоя грёбёнка —
Та, что я искал впотьмах.

Не хотите, как хотите,
Оставайтесь там в саду.
Убегает в рожь дорога.
Я по ней один пойду.

Я пойду зелёной кромкой
Вдоль дороги. Рожь по грудь.
Ничего. Перехвораю.
Позабуду как-нибудь.

Широко в полях и пусто.
Вот по ржи волна прошла...
Так мне славно, так мне грустно
И до слёз мне жизнь мила.

1936.

Кружились белые берёзки,
Платки, гармонь и огоньки.
И пели девочки-подростки
На берегу своей реки.

И только я здесь был не дома,
И песню узнавал едва.
Звучали как то по-иному
Совсем знакомые слова.

Гармонь играла с перебором,
Ходил по кругу хоровод,
А по реке в огнях, как город,
Бежал красавец-пароход.

Весёлый и разнообразный,
По всей реке, по всей стране —
Один большой справлялся праздник,
И петь о нём хотелось мне.

Петь, что от края и до края,
Во все концы, во все края,
Ты вся моя и вся родная,
Большая родина моя.

1936.

СТАНЦИЯ ПОЧИНОК

За недолгий жизни срок,
Человек бывалый,
По стране своей дорог
Сделал я не мало.

Под её шатром большим,
Под широким небом
Ни один мне край чужим
И немилым не был.

Но случилось весной
Мне проехать мимо
Маленькой моей, глухой
Станции родимой.

И успел услышать я
В тишине минутной
Ровный посвист соловья
За оградкой смутной.

Он пропел мне свой привет
Ради встречи редкой,
Будто здесь шестнадцать лет
Ждал меня на ветке.

Счастлив я. Отрадно мне
С мыслью жить любимой,
Что в родной моей стране
Есть мой край родимый.

И ещё доволен я, —
Пусть смешна причина, —
Что на свете есть моя
Станция Починок.

И глубоко сознаю,
Радуюсь открыто,
Что ничьё в родном краю
Имя не забыто.

Я хочу трудиться так,
Жизнью жить такою,
Чтоб далёкий мой земляк
Мог гордиться мною.

И встречала бы меня,
Как родного сына,
Отдалённая моя
Станция Починок.

1937.

ШОФЕР

Молодой, весёлый, важный
За рулём шофёр сидит
И кого ни встретит, каждый
Обернётся, поглядит.

Едет парень, припорошен
Пылью многих деревень.
Путь далёкий, день хороший,
По садам цветёт сирень.

В русской вышитой рубашке
Проезжает он селом.
У него сирень в кармашке,
А ещё и на фуражке,
А ещё и за стеклом.

И девчонка у колодца
Скромный делает кивок.
Журавель скрипит и гнётся,
Вода льётся на песок.

Парень плавно, осторожно
Развернулся у плетня:
— Разрешите, если можно,
Напоить у вас коня.

Та краснеет и смеётся.
Наклонилась над ведром:
— Почему ж? Вода найдётся,
С вас и денег не возьмём.

Где то виделись, сдаётся?..
А вода опять же льётся,
Рассыпаясь — серебром.

Весь картина,
Молодчина
От рубашки до сапог.
Он, уже садясь в кабину,
Вдруг берёт под козырёк.

На околице воротца
Открывает сивый дед,
А девчонка у колодца
Остаётся,
Смотрит вслед:
Обернётся или нет?..

1937.

*
* * *

Погляжу, какой ты милый,
Замечательный какой.
Нет, не даром полюбила,
Потеряла я покой.

Только ты не улыбайся,
Не смотри так с высоты,
Милый мой, не зазнавайся:
Не один на свете ты.

Разреши тебе заметить,
Мой мальчишка дорогой,
Был бы ты один на свете —
И вопрос тогда другой

За глаза и губы эти
Всё простилось бы тебе.
Был бы ты один на свете —
Равных не было б тебе.

Ну, а так то много равных,
Много, милый, есть таких.
Хорошо ещё, мой славный,
Что и ты один из них.

Погляжу, какой ты милый,
Замечательный какой.
Нет, не даром полюбила,
Потеряла я покой.

Только ты не улыбайся,
Не смотри так с высоты.
Только ты не зазнавайся:
Не один на свете ты.

1937.

*
* * *

Мы на свете мало жили,
Показалось нам тогда,
Что на свете мы чужие,
Расстаёмся навсегда.

Ты вернулась за вещами.
Ты спешила уходить
И решила на прощанье
Только печку затопить.

Занялась огнём берёста
И защёлкали дрова.
И сказала ты мне просто
Настоящие слова.

Знаем мы теперь с тобою,
Как любовь свою беречь.
Чуть увидим что такое, —
Так сейчас же топим печь.

1938.

ЗА ТЫСЯЧУ ВЕРСТ

За тысячу вёрст
От родимого дома
Вдруг ветер повеет
Знакомо-знакомо...

За тысячу верст
От родного порога

Просёлочной, белой
Запахнет дорогой;

Ольховой, лозовой
Листвой запылённой,
Запаханным паром,
Отавой зелёной;

Картофельным цветом,
Желтеющим льном
И тёплым зерном
На току земляном;

И сеном, и старую
Крышей сарая..
За тысячу вёрст
От отцовского края...

За тысячу вёрст –
В стороне приднепровской –
Нежаркое солнце
Поры августовской.

Плывут паутины
Над сонным жнивьём,
Краснеют рябины
Под каждым окном.

Хрипят по утрам
Петушки молодые,
Дожди налегке
Выпадают грибные.

Поют трактористы,
На зябь выезжая.
Готовятся свадьбы
Ко Дню урожая.

Страда отошла,
И земля поостыла.
И веники вяжет
Мой старый Данила.

Он прутик до прутика
Ровно кладёт:

Полдня провозиться,
А париться — год!

Привет мой сыновний
Далёкому краю.
Поклон мой, Данила,
Тебе посылаю.

И всем старикам
Богатырской породы
Поклон-пожеланье
На долгие годы:

Живите, красуйтесь
И будьте здоровы —
От веников новых
До веников новых.

Поклон чужакам,
Балагурам непраздным,
Любителям песен
Старинных и разных.

Любителям выпить
С охоты — не с горя,
Рассказчикам всяческих
Славных историй...

Поклон землякам —
Мастерам, мастерицам,
Чья слава большая
Дошла до столицы.

Кто храбростью, службой,
Трудом беззаветным
Прославили ныне
Мой край неприметный.

Поклон одногодкам,
С кем бегал когда то:
Девчонкам, ребятам —
Замужним, женатым.

Поклон мой лесам,
И долинам, и водам,
Местам незабвенным,
Откуда я родом,

Где жизнь начиналась,
Берёза цвела,
Где самая первая
Юность прошла...

Родная страна!
Признаю, понимаю —
Есть много других,
Кроме этого края.

И он для меня
На равнине твоей
Не хуже, не лучше,
А только милей.

И шумы лесные,
И говоры птичьи,
И бедной природы
Простое обличье;

И стёжки, где в поле
Босой я ходил
С пастушеским ветром
Один на один;

И песни, и сказки,
Что слышал от деда,
И всё, что я видел,
Что рано изведал, —

Я в памяти всё
Берегу, не теряя,
За тысячу вёрст
От родимого края.

За тысячу вёрст
От любимого края
Я все мои думы
Ему поверяю.

Я шлю ему свой
Благодарный привет,
Загорьевский парень,
Советский поэт.

1938.

ИВУШКА

Умер Ивушка-печник,
Крепкий был ещё старик...

Вечно трубочкой дымил он,
Говорун и весельчак.
Пить и есть не так любил он,
Как любил курить табак.

И махоркою добротной
Угощал меня охотно.

— На-ко, — просит, — удружи,
Закури, не откажи.
Закури-ка моего:
Мой не хуже твоего.

И при каждом угощеньи
Мог любому подарить
Столько ласки и почтенья,
Что нельзя не закурить.

Умер Ива, балагур,
Знаменитый табакур.

Правда ль, нет — слова такие
Перед смертью говорил:
Мол, прощайте, дорогие,
Дескать, хватит, покурил...

Будто тем одним и славен.
Будто, прожив столько лет,
По себе печник оставил
Только трубку да кiset.

Нет, не даром прожил Ива,
И не всё курил табак,
Только скромно, не хвастливо
Жил печник и помер так.

Золотые были руки,
Мастер честью дорожил.
Сколько есть печей в округе, —
Это Ивушка сложил.

И с ухваткою привычной,
Затопив на пробу печь,
Он к хозяевам обычно
Обращал такую речь:

— Ну, топите, хлеб пеките,
Дружно, весело живите.
А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

На полях трудитесь честно,
За столом садитесь тесно.
А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

Жизнью полной, доброй славой
Славьтесь вы на всю державу.
А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

И на каждой печке новой,
Ровно выложив чело,
Выводил старик бедовый
Год, и месяц, и число.

И никто не ждал, не думал,
Взял старик, да вдруг и умер.
Умер Ива, балагур,
Знаменитый табакур.

Умер скромно, торопливо.
Так и кажется теперь,
Что, как был, остался Ива,
Только вышел он за дверь.

Люди Иву поминают,
Люди часто повторяют:
— Закури-ка моего:
Мой не хуже твоего.

А морозными утрами
Над весёлыми дворами
Дым за дымом тянет ввысь.
Снег блестит всё злей и ярче,
Печи топятся пожарче,
И идёт, как надо жизнь...

1938.

ДРУЗЬЯМ

Друзья, с кем я коров стерёг,
Костры палил, картошку пёк,
С кем я сорочки гнёзда рыл,
Тайком ольховый лист курил, —
Друзья, когда кому-нибудь
Еще случится заглянуть,
В Загорье наше, — это я
Все наши обошёл края,
По старым стёжкам я бродил,
За всех вас гостем я здесь был.

Пойду в поля — хлеба стеной,
Во ржи не виден верховой.
Гречихи, льны, овсы по грудь,
Трава — косы не протянуть.

Земля в цвету — и всё по ней:
В домах светлей, народ добрей,
И нынче в самый сенокос
На гармониста всюду спрос.

Как вечер — танцы при луне,
Как вечер, братцы, грустно мне —
В своих местах, в родных кустах
Без вас, друзей, гулять в гостях.

Я даже думал в эти дни:
А вдруг как съедутся они
Со всех концов, краёв, столиц,
С военных кораблей, с границ.
И сядем мы за стол в кружок
И за вином пошлём в ларёк.
И выпьем мы, как долг велит,
Без лишних споров и обид,
Друг перед дружкой гордясь,
На ордена свои косясь.

Но вы, друзья, кто там, кто там.
У дела, по своим постам.
Вы в одиночку, как и я,
В родные ездите края.
Наш год, наш возраст самый тот,
Что службу главную несёт.

Друзья, в отцовской стороне,
Не знаю, что: не спится мне.
Так зори летние близки,
Так вкрадчиво поют сверчки,
Так пахнут липы от росы,
И в сене тикают часы.
А щели залиты луной,
А за бревёнчатой стеной,
Во сне, как много лет назад,
Считает листья старый сад.
Глухой, наощупь, робкий счёт —
Всё тот, а всё таки не тот...

И всяк из вас, кто вслед за мной
Свой угол посетит родной,
Такую ж, может быть, точь-вточь
Здесь проведёт однажды ночь.
Наверно, так же будет он,
Взволнован за день, возбуждён,
Лежать, курить, как я сейчас,
О детстве думая, о нас,
О давних днях, о старине,
О наших детях, о войне,
О множестве людских путей,
О славе родины своей.

1939.

ЗАШЕЛ Я В ДОМ...

Зашёл я в дом, где жил герой,
А нынче мать его осталась,
Да с ней парнишка — сын второй,
Что стал опорю под старость.

Большому горю скоро год,
А мать попрежнему украдкой
Нет-нет и снова перечтёт
Всё те ж слова бумаги краткой.

Знать, с каждым разом в том письме
Дороже буква ей любая,
Сидит, забывшись, как во сне,
Из рук листок не выпуская.

С пелёнок сына никому
Не уступали эти руки,
Кроили курточку ему,
Обнять спешили в день разлуки.

И вот молва гремит о нём,
Все почести ему отдали.
А здесь его, в селе родном,
Ещё по отчеству не звали —

Так молод был. Кому бы знать,
Что многих славою богаче
Он станет вдруг. А мать? А мать
И думать не могла иначе.

Что в самый кинется огонь,
Не струсит, знала без проверки...
Стоит в углу его гармонь
И стопка книг на этажерке.

И на меньшого смотрит мать:
Ничем тут, видно, не поможешь.
Ему играть, ему читать,
И быть на старшего похожим.

1940.

*
* * *

Отцов и прадедов примета —
Как будто справдилась она:
Таких хлебов, такого лета
Не год, не два ждала война.
Как частый бор, колосовые
Шумели глухо над землёй.
Не пешеходы — верховые
Во ржи скрывались с головой.
И были так густы и строги
Хлеба, подавшись грудь на грудь,
Что, по пословице, с дороги
Ужу, казалось, не свернуть.
И хлеба хлеб казался пуще,
И было так, что год хлебов
Был годом клубней, землю рвущих,
И годом трав в лугах и пущах,
И годом ягод и грибов.
Как будто всё, что в почве было, —
Её добро, её тепло, —
С великой щедростью и силой
Ростки наружу выносило,
В ботву, в перо и в колос шло...
В свой полный цвет входило лето,
Земля ломилась, всем полна.
Отцов и прадедов примета —
Как будто справдилась она:
Гром грянул, началась война...

1942.

ПЕСЕНКА

Не спеши, невеста,
Замуж за бойца:
Нынче не известна
Доля молодца.

То ли он героем
В дом придёт родной,
То ли не напишет
Строчки ни одной.

Да и где ты будешь
Ждать его тот срок,
Если немец дома
Грянет на порог.

Не спеши, невеста,
Замуж за бойца:
Это — всё начало,
Погоди конца.

Пусть по нём не плачет
Бедная жена.
Служба боевая
Без того трудна.

Лучше пусть невеста
Вспомнит про него.
А бойцу не надо
Больше ничего...

1942.

ЗЕМЛЯКУ

Нет, ты не думал, — дело молодое, —
Покуда не уехал на войну, —
Какое это счастье дорогое —
Иметь свою родную сторону.

Иметь, любить и помнить угол милый,
Где есть деревья, что отец сажал,
Где есть, быть может, прадедов могилы,
Хотя б ты к ним ни разу не ходил;

Хотя б и вовсе там бывал не часто,
Зато больней почувствовал потом,
Какое это горькое несчастье —
Вдруг потерять тот самый край и дом...

Где мальчиком ты день встречал когда-то,
Почуяв солнце заспанной щекой.
Где на крыльце одною нянчил брата
И в камешки играл другой рукой.

Где мастерил ему с упорством детским
Вертушки, пушки, мельницы, мечи...
И там теперь сидит солдат немецкий,
И для него огонь горит в печи.

И что́ ему, бродяге полумира,
В твоём родном, единственном угле?
Он для него — не первая квартира
На пройденной поруганной земле.

Он гость недолгий, нет ему расчёта
Щадить что-либо, всё, как трын-трава:
По окнам прострочит из пулемёта,
Отцовский садик срубит на дрова...

Он опоганит, осквернит, отравит
На долгий срок заветные места.
И даже труп свой тлеть он здесь оставит —
В земле, что для тебя священна и чиста.

Что ж, не тоскуй и не жалея, дружище,
Что отчий дом лежит не по пути,
Что на своё родное пепелище
Тебе другой дорогою идти.

Где б ни был ты в огне передних линий:
На Севере, иль где-нибудь в Крыму,
В Смоленщине, иль здесь, на Украине, —
Идёшь ты нынче к дому своему.

Идёшь с людьми в строю необозримом, —
У каждого своя родная сторона,
У каждого свой дом, свой сад, свой брат любимый,
А родина у нас у всех одна...

1942.

*

* *
Когда пройдёшь путём колонн
В жару, и в дождь, и в снег,
Тогда поймёшь,
Как сладок сон,
Как радостен ночлег.

Когда путём войны пройдёшь,
Ещё поймёшь порой,
Как хлеб хорош,
И как хорош
Глоток воды сырой.

Когда пройдёшь таким путём
Не день, не два, солдат,
Ещё поймешь,
Как дорог дом,
Как отчий угол свят.

Когда науку всех наук —
В бою постигнешь бой,
Ещё поймёшь,
Как дорог друг,
Как дорог каждый свой.

И про отвагу, долг и честь
Не будешь зря твердить.
Они в тебе,
Какой ты есть,
Каким лишь можешь быть.

Таким, с которым коль дружить
И дружбы не терять,
Как говорится,
Можно жить
И можно умирать.

1943.

У СЛАВНОЙ МОГИЛЫ

Нам памятна каждая пядь
И каждая наша примета
Земли, где пришлось отступать
В пыли сорок первого лета.

Но эта опушка борка
Особую памятью свята:
Мы здесь командира полка
В бою хоронили когда-то.

Мы здесь для героя-отца,
Меняясь по-двое, спешили
Готовый окопчик бойца
Устроить поглубже, пошире.

В бою — как в бою. Под огнём
Копали лопатой сапёрной,
В песке рассекая с трудом
Сосновые жёлтые корни.

И в жёлтой могиле на дне
Мы хвои зелёной постлали,
Чтоб спал он, как спят на войне.
В лесу на коротком привале.

Прости, оставайся, родной!..
И целых и долгих два года
Под этой смоленской сосной
Своих ожидал ты с восхода.

И ты не посетуй на нас,
Что мы твоей славной могиле
И в этот и в радостный час
Немного минут посвятили.

Торжествен, но краток и строг
Салют наш и воинский рапорт.
Тогда мы ушли на восток,
Теперь мы уходим на запад.

Над этой могилой скорбя,
Склоняем мы с гордостью знамя:
Тогда оставляли тебя,
А нынче, родимый, ты с нами.

1943.

В СМОЛЕНСКЕ

Два только года или двести
Жестоких, нищих лет прошло.
Но то, что есть на этом месте, —
Ни город это, ни село.

Пустырь угрюмый и безводный,
Где у развалин ветер злой
В глаза швыряется холодной
Кирпичной пылью и золой;

Где в бывшем центре иль предместьи
Одна в ночи немолчна песнь:
Гремит, бубнит, скребёт по жести
Войной оборванная жесь.

И на проспекте иль просёлке,
Что меж руин пролёт кривой,
Ручные беженцев двуколки
Гремят по древней мостовой.

Дымок из форточки подвала,
Тропа к колодцу в Чортов ров...
Два только года. Жизнь с начала —
С огня, с воды, с охапки дров.

1943.

*

* *

Зачем рассказывать о том
Солдату на войне,
Какой был сад, какой был дом
В родимой стороне?
Зачем? Иные говорят,
Что нынче за войной
Он позабыл давно, солдат,
Семью и дом родной;
Он ко всему давно привык,
Войною научён.
Он и тому, что он в живых,
Не верит нипочём.
Не знает он, иной боец,
Второй и третий год,
Женатый он или вдовец,

И писем зря не ждёт.
Он не спешит уже домой,
Солдат, надеждой нищ.
Он грелся летом и зимой
У стольких пепелищ.
И дела не было ему,
Гадать не стало б сил,
Кто в том иль в этом жил дому,
В саду траву косил.
И кто, собравшись на войну,
В ней канул — где, бог весть,
И чью жену с детьми одну
Война застигла здесь...
Так о солдате говорят,
И сам порой он врёт:
Мол, для чего смотреть назад,
Когда идёшь вперёд?
Зачем рассказывать о том,
Зачем бередить нас,
Какой был сад, какой был дом?
Зачем? Затем как раз,
Что лето красное зимой
Мы в памяти храним;
Что крепче любит край родной
Тот, кто в разлуке с ним...
Живём, не по миру идём,
Есть что хранить, любить.
Есть где-то или был наш дом,
А нет — так должен быть!

1943.

ГРАНИЦА

Граница моей державы,
Означена ты навек
Не этой колючкой ржавой
Вдоль просек лесных и рек,
Не этим мостом, что ровно
Надвое разделён,
Не той, не другой условной
Чертой, что для нас закон,

А горечью душевной пыли
Больших и малых дорог —
Со дня, как мы отступили
Из этих мест на восток;
А страшной грозой кровавой,
Кропившей землю и снег,
Граница моей державы,
Означена ты навек.

Означена ты боями
На смерть, не на живот,
Всем тем, что лежит за нами
Отсюда до волжских вод.
Всею болью и всею славой,
Что знает наш человек,
Граница моей державы,
Означена ты навек.

Держава моей границы
В глубоком тылу, вдали —
За нами Москва, столица
Свободной нашей земли.
За нами, её сынами,
Родимых столько могил!
Бессмертный подвиг за нами,
Что нам лишь под силу был.

Святое, грозное пламя
Отмщенья, бушуй в груди.
Родная земля — за нами,
Земля врага — впереди.
За горе, за все страданья,
Что видел наш мирный дом,
Плати по счетам, Германия,
Молись! По тебе идём!

1944.

ДВЕ СТРОЧКИ

Из записной потёртой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далёко шапка отлетела.

Казалось, мальчик не лежал,
А всё ещё бегом бежал,
Да лёд за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу —
Мне жалко той судьбы далёкой,
Как будто мёртвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примёрзший, маленький. Убитый
На той войне незначимой,
Забывтый маленький лежу.

1943.

У ДНЕПРА

Я свежо доньше помню
Встречу первую с Днепром.
Детской жизни день огромный —
Переправу и паром.

За неведомой, студёной
Полосой днепровских вод
Стороною отдалённой
Нам казался берег тот.

И казалось, что прощалась
Навек с матерью родной,

Если замуж выходила
Девка на берег иной...

И не чудо ль был тот случай:
Старый Днепр средь бела дня
Оказался вдруг под кручей
Впереди на полконя.

И, блеснув на солнце боком,
Развернулся он внизу.
Страсть, как жутко и высоко
Стало хлопцу на возу.

Вот отец неторопливо
Заложил в колёса кол
И, обняв, коня с обрыва
Вниз к воде тихонько свёл.

Вот песок с водою вровень
Зашумел под колесом,
И под говор мокрых брёвен
Воз взобрался на паром.

И паром, подавшись косо,
Отпихнулся от земли,
И недвижимые колёса,
Воз и я — пошли, пошли...

И едва ли сердце знало,
Что оно уже тогда
Лучший срок из жизни малой
Оставляло навсегда...

1944.

О РОДИНЕ

Родиться бы мне по заказу
У тёплого моря в Крыму,
А нет — побережьем Кавказа
Ходить, как в родимом дому.

И славить бы море и сушу
В привычном соседстве простом,
И видеть и слышать их душу
Врождённым сыновним чутьём...

Родиться бы, что ли, на Волге.
Своими считать Жигули,
Родившись в рыбацьем посёлке,
Что с палубы видишь вдали.

И петь, как пристало, об этой,
Знакомой с рожденья реке,
По отчего дома завету
На собственном том языке.

Родиться бы в сердце Урала,
Чья слава доньше скрытна,
Чтоб в песне моей прозвучала
С нежданною силой она.

В Сибири, на Дальнем Востоке,
В краю молодых городов,
На некоей там новостройке,
Везде я с охотой готов
Родиться.

Одно не годится,
Что где ни случилось бы мне,
Тогда бы не смог я родиться
В родимой моей стороне.

В недалней, отцами обжитой
И дедами с давних времён,
Совсем не такой знаменитой,
В одной из негромких сторон.

Где нет ни жары парниковой,
Ни знатных зимой холодов,
Ни моря вблизи никакого,
Ни горных, конечно, хребтов.

Ни рек полноты величавой,
А речки такие подряд,
Что мельницу на два постава,
Из сил выбиваясь, вертят.

Ничем сторона не богата,
А мне уже тем хороша,
Что там наудачу когда-то
Моя народилась душа,

Что в дальней дали зарубежной,
О многом забыв на войне,
С тоской и тревогою нежной
Я думал о той стороне,

Где счастью великой, единой,
Священной, как правды закон,
Где таинству речи родимой
На собственный лад приобщён.

И с нею — из той незавидной
По многим статьям стороны —
Мне всю мою родину видно,
Как город с кремлёвской стены.

Леса её, горы, столицы,
На рейде её корабли...
И всюду готов я родиться
Под знаменем этой земли.

А только и прежде и ныне
Милей мне моя сторона —
По той по одной лишь причине,
Что жизнь достаётся одна.

1946.

СОДЕРЖАНИЕ

Путник	3
Я иду и радуюсь	4
Невесте	4
Размолвка	5
Кружились белые берёзки	7
Станция Починок	7
Шофёр	9
Погляжу, какой ты милый	10
Мы на свете мало жили	11
За тысячу вёрст	11
Ивушка	15
Друзьям	17
Зашёл я в дом...	19
Отцов и прадедов примета	20
Песенка	21
Земляку	21
Когда пройдёшь путём колонн	23
У славной могилы	24
В Смоленске	25
Зачем рассказывать о том	25
Граница	26
Две строчки	28
У Днепра	28
О Родине	29

Отв. редактор А. СУРКОВ.

Тираж 100.000.

Издательство «ПРАВДА».

А—01958.

Подписано к печати 6/IV.

Заказ 292

Типогр. газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 40 коп.